

оригинальная статья

Конфликт повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»: нравственно-религиозный аспект

Поселенова Евгения Юрьевна
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
<https://orcid.org/0000-0002-6327-3466>
e.poselenova@gmail.com

Поступила в редакцию 11.01.2022. Принята после рецензирования 01.02.2022. Принята в печать 07.02.2022.

Аннотация: Как прецедентный текст «Бедная Лиза» стала одновременно утверждением и преодолением сентименталистского канона в русской литературе. Это обусловило неоднозначность трактовки ее этической и аксиологической составляющих, что усугубляется сложностью решения вопроса о религиозных взглядах писателя. В связи с этим в качестве материала помимо самой повести привлекаются отдельные фрагменты из «Истории государства Российского», повесть «Наталья, боярская дочь» и диалог «Филалет к Мелодору» Н. М. Карамзина, анализ которых позволяет более детально изучить проблему. Цель – рассмотреть проблемы нравственно-религиозного содержания повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза». Методология исследования формируется на базе историко-литературного, сравнительно-типологического и культурологического подходов к изучению художественного произведения. В ходе исследования поэтапно рассматриваются ключевые аспекты нравственно-религиозной составляющей содержания повести. В первую очередь, внимание сосредоточено на образах родителей героини, их мировоззрении и его влиянии на внутрисемейные отношения. Утверждается мысль, что отношения матери и отца Лизы, их взгляды на воспитание дочери выстраиваются автором повести в соответствии с представлениями «народного православия». Моделью подобного мировоззрения можно считать принципы организации жизни, описанные в Домострое. Для аргументации исследовательской позиции проводится сравнительный анализ фрагментов этого литературного памятника с повестью. Важным для выбранного исследовательского вектора становится анализ пространственных образов повести «Бедная Лиза» в аспекте соотнесения с обрядовой традицией. Сделан вывод, что происходящая в сознании героини смена знаковых ориентиров не случайна и свидетельствует о постепенном замещении христианской морали языческой системой ценностей. Доказано, что мотив чистоты, традиционно интерпретируемый в качестве ключевого в образе Лизы, коррелирует в произведении с мотивами забвения, заблуждения, религиозно-этическими мотивами умирания души, возмездия, с темами вины и греха. Результаты проведенного исследования позволяют оспорить сложившийся научный стереотип. Итогом стал вывод, что в повести Н. М. Карамзина происходит диалог двух мировоззренческих систем – художественной в своей основе парадигмы сентименталистской этики и религиозно-нравственных представлений неортодоксального христианства. Формально оценка поступков Лизы дана в произведении с позиции сочувствующего повествователя, выражающего сентименталистский взгляд на мир. Но за этим просматривается комплекс более сложных проблем, связанных с ментально обусловленной религиозной этикой, также являющейся нравственным фоном раскрытия образа героини.

Ключевые слова: сентиментализм, православие, проза, художественное пространство, мотив, мировоззрение, этика

Цитирование: Поселенова Е. Ю. Конфликт повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»: нравственно-религиозный аспект. Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 1. С. 66–72. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-66-72>

original article

The Moral and Religious Conflict in N. M. Karamzin's *Poor Lisa*

Eugenia Yu. Poselenova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0000-0002-6327-3466>
e.poselenova@gmail.com

Received 11 Jan 2022. Accepted after peer review 1 Feb 2022. Accepted for publication 7 Feb 2022.

Abstract: N. M. Karamzin's *Poor Lisa* is a precedent in Russian literature: it both celebrated and brought down the principles of Sentimentalism. However, many aspects of this canonical text still remain understudied. The present research featured the moral and religious issues in N. M. Karamzin's *Poor Lisa*. It also involved some fragments from N. M. Karamzin's *The History*

of the Russian State; *Natalya, the Boyar's Daughter*, and *Filalet to Melodor*. The methods included the historical and literary approach, as well as comparative and typological analyses. As for N. M. Karamzin's religious views, the authors agree with those literary critics and historians who relied on N. M. Karamzin's biography and statements and declared him an orthodox Christian. The research concentrated on various moral and religious components of the story. Lisa's worldview was shaped by that of her parents, who built their family relations based on the Old Russian Household Book. Lisa's traditional Orthodox background explains many of her decisions, which critics tend to interpret through the prism of Sentimentalism. Spatial images of the novel seem to correlate with ceremonial tradition: they show how Lisa's Christian worldview was gradually overtaken by the pagan belief system. The central motif of Lisa's purity and innocence correlates with those of oblivion, delusion, the death of soul, punishment, built, sin, etc. As a result, the novel can be treated as a dialogue of two world outlook systems: Sentimental ethics vs. religious and moral ideas. The reader sees Lisa from the point of view of a compassionate narrator with a Sentimental worldview. However, a more complex problem of religious ethics appears as a moral background.

Keywords: Sentimentalism, Orthodoxy, story, art space, motif, worldview, ethics

Citation: Poselenova E. Yu. The Moral and Religious Conflict in N. M. Karamzin's Poor Lisa. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 66–72. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-66-72>

Введение

Повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» является прецедентным текстом. Не просто новаторское произведение, а сочинение, ставшее в свое время эталоном сентиментальной повести, она вызвала колоссальный резонанс в русской литературной среде. В. А. Жуковский, В. В. Измайлов, П. Ю. Львов, Н. П. Милонов и другие современники Н. М. Карамзина создали целую плеяду «бедных» героинь, используя созданный автором «Бедной Лизы» нарративный тип. Более того, повесть не только определила канон жанра сентиментальной повести, но и задала вектор развития русской классической прозы XIX в. [1–3], в том числе в рамках литературного феномена, получившего в научной традиции определение *Лизин текст*. Несмотря на это, за период, прошедший с момента выхода (2006 г.) в свет монографии В. Н. Топорова [4], масштабных научных работ, посвященных повести «Бедная Лиза», появилось не так уж много. Осталось немало аспектов, которые были практически обойдены вниманием исследователей-карамзинистов или затронуты фрагментарно. К таким вопросам относится проблема религиозно-нравственного содержания повести «Бедная Лиза» [5; 6], в последнее время вновь ставшей объектом активного научного обсуждения [7–13].

В. Н. Топоров писал о том, что «именно Карамзину принадлежит честь определения важнейшей составляющей писательского дела – нравственной, завещанной последующей русской литературе как ее долг» [4, с. 51]. В исследовательской литературе эта сторона карамзинской повести в основном осмысливается через этическую парадигму сентиментализма, восходящую к античной пасторальной традиции и руссоистским идеям [14–20]. Но рубеж XVIII–XIX вв. в России отмечен также активным религиозным поиском. После церковной реформы Петра, завершенной во время правления Екатерины II, русское общество оказывается в ситуации духовного вакуума. У многих людей возникает потребность обращения к допетровским патриархальным традициям, в которых на рубеже веков усматривали

проявление истинной нравственности, утраченной новым европеизированным обществом. Н. М. Карамзин, будучи автором, в чьих произведениях очень живо воплощались тенденции времени [21], отразил в художественной форме взаимодействие западноевропейских представлений о Золотом веке, воспринятых отечественной культурой вместе с искусством сентиментализма, с традиционными принципами русского православия [7, с. 3]. Вариативность прочтения карамзинской повести обусловлена ее жанровым тяготением к романному целому [22, с. 66]. Элементы романной поэтики становятся одним из условий создания в повести своеобразного художественного диалога разных мировоззренческих систем.

Методы

Повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» рассматривается в контексте художественного и публицистического творчества автора с обращением к национальным духовным традициям. Основой методологической базы является историко-литературный, сравнительно-типологический и культурологический методы, в комплексе позволяющие провести детальное исследование материала. Интеграция выбранных научных методов дает возможность ступенчатого анализа категории конфликта в повести Н. М. Карамзина в нравственно-религиозном аспекте.

Результаты

Категория конфликта в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» рассмотрена не только в рамках классического прочтения этого сочинения как эталона русской сентиментальной прозы, но и с учетом влияния отдельных фольклорных и древнерусских парадигм на становление отечественной прозы. Необходимость подобного исследования была обусловлена тем, что в научной традиции ранее не были учтены некоторые принципиально важные элементы, формирующие авторскую позицию в повести.

Большое значение для избранного аналитического вектора имеют ключевые образы повести «Бедная Лиза» в сопоставлении с ритуально-обрядовой традицией. Такой подход дал возможность расширить контекст осмысления конфликта произведения и сместил акценты в понимании образа главной героини.

Происходящая в сознании Лизы смена центральных ориентиров не случайна и дает сигнал о постепенной подмене христианской морали языческой системой ценностей. Это позволяет оспорить сложившийся в литературоведении канон интерпретации произведения Н. М. Карамзина, что в дальнейшем даст возможность иначе взглянуть на историю русской сентиментальной повести и отечественной прозы в целом. Итогом стал вывод, что в повести происходит диалог двух мировоззренческих систем – художественной в своей основе парадигмы сентименталистской этики и религиозно-нравственных представлений неортодоксального христианства.

Вопрос о религиозных взглядах Н. М. Карамзина решается неоднозначно. В нашей работе мы принимаем точку зрения тех исследователей, которые, опираясь на биографические факты и высказывания писателя, находят основания считать его православным человеком [5; 23; 24]. Мы учитываем, что, получив православно-ориентированное воспитание, Н. М. Карамзин тем не менее не воспринимал религиозные положения в качестве аксиом, на протяжении жизни находился в активном духовном поиске. Но именно в аспекте утверждения писателем нравственных норм несомненным фактом является важность для него православного мировоззрения. В диалоге «Филалет к Мелодору» Н. М. Карамзин напишет: «Неужели, видя Бога в естественном мире, видя руку Его в течении планет, в порядках солнечных, в перемене годовых времен и во всех физических явлениях нашей земной обители, будем мы отрицать Его действие в одном нравственном мире, который по существу своему должен быть, если смею сказать, ближе первого к сердцу Великого Божества?»¹. Значимым в контексте поставленной проблемы нам представляется то, что в повести «Бедная Лиза» материалом художественного осмысления становится жизнь крестьянского сословия. После культурного расслоения общества, спровоцированного петровскими реформами, именно крестьяне воспринимаются как носители исконной православной культуры, восходящей к временам,

«когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу»². Подобные идеи представлены также на страницах «Вестника Европы» и «Аглаи» в рассуждениях Н. М. Карамзина о путях развития отечественной культуры и образования, об их связи с народной традицией, о роли церкви в нравственном воспитании человека.

Наиболее очевидные элементы религиозной парадигмы, проявленные в повести «Бедная Лиза» и находящиеся в фокусе нашего исследовательского внимания, связаны с образами родителей главной героини. Мать Лизы представит в произведении как женщина, живущая в соответствии с православным представлением о мире³. Их отношения с отцом Лизы по сути отвечают христианскому взгляду на брак мужчины и женщины: это духовный союз, крепкий и неизменный в своей чистоте. Отец Лизы *любил работу, пахал хорошо землю и вел всегда трезвую жизнь*⁴, Лиза унаследовала от отца трудолюбие: не щадя своей нежной молодости, *не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь*. Лизина мать верит в благодатную жизнь после смерти, в грядущую встречу со своим мужем, но не хочет покидать земной мир до тех пор, пока не выполнит свой материнский долг и не выдаст Лизу замуж, благословив ее.

Отношение к дочери можно сопоставить с теми представлениями о семейных ценностях, которые явились бытовым осмыслением религиозных доктрин и были закреплены в Домострое. Глава «Как детей своих воспитать в поучениях разных и в страхе Божиим» повествует о семейном обращении с детьми в соответствии с православными представлениями о мире: «А пошлет Бог кому детей – сыновей или дочерей, то заботиться о чадах своих отцу и матери, обеспечить их и воспитать в добром поучении; учить страху божию и вежливости, и всякому порядку, а затем, по детям смотря и по возрасту, их учить рукоделию <...>, какие кому Бог способности даст; любить их и беречь, но и страхом спасать, наказывая и поучая, а осудив, побить. И беречь, и блюсти чистоту телесную и от всякого греха отцам чад своих как зеницу ока и как свою душу»⁵.

В повести Н. М. Карамзина неоднократно упоминается, что мать Лизы молилась о том, чтобы Бог оградил Лизу от бед и напастей, о вознаграждении для дочери за то, что та заботится о ней. Она считает Лизу *Божескою милостию*,

¹ Карамзин Н. М. Филалет к Мелодору. *Избранные сочинения*. М.; Л.: Худож. лит., 1964. Т. 2. С. 254. На то, что речь идет именно о православном понимании бога, указывают, например, рассуждения в «Истории государства Российского»: «прославим действие Веры; она удержала нас на степени людей и граждан, не дала окаменеть сердцам, ни умолкнуть совести; в уничижении имени русского мы возвышали себя именем христиан и любили отечество как страну Православия» [Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. С. 643].

² Карамзин Н. М. Наталья, боярская дочь. *Избранные сочинения*. Т. 1. С. 622.

³ Стоит заметить, что образ матери Лизы не следует рассматривать с позиций ортодоксального православия. Правильнее будет предположить, что, будучи крестьянкой, она является носителем синтетической системы мировоззрения, определяемой в науке через термины *народное православие*, *двоеверие* и т. п.

⁴ Здесь и далее текст повести цитируется по репринтному изданию, приведенному в указанной монографии В. Н. Топорова, с корректировкой графики в соответствии с современной нормой.

⁵ Домострой. *Библиотека литературы Древней Руси*. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=5145> (дата обращения: 15.05.2021).

кормилицей, отрадою старости своей, утешением. Мать героини беспрестанно лила слезы о своем муже, что иногда делала вместе с ней и Лиза. При этом слезы в повести не становятся воплощением тоски, что является грехом с точки зрения христианства, – эти слезы подобны молитвенным. Крестьянка сама замечает, что слезы и страдания только укрепляют ее веру и заставляют помнить о душе. Безусловно, значительную роль в формировании этого образа играет и сентименталистская эстетика, согласно которой слезы свидетельствуют о высокой нравственной культуре героев. В данной ситуации две мировоззренческие системы, отчасти совпадая в аксиологической интерпретации, дополняют друг друга, формируя специфику сентименталистской картины мира в русской литературе.

Много раз в исследовательских работах акцентировалось внимание на чистоте как одной из ведущих черт Лизы, которая, проявляясь в деталях, окружающих героиню, оказывается ее внутренней характеристикой. Этой же чистотой, воплощенной во всей природе, наполняется Эраст при встрече с Лизой (*Натура призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям*). Но именно с момента встречи героев в повести появляется мотив постепенной утраты чистоты, который связан с отъединением Лизы от гармонии Природы (*общая радость Природы чужда твоему сердцу*). Для литературы XVIII в. характерна художественная мысль о том, что важнейшим доказательством существования Бога является гармония и великолепие мира (достаточно вспомнить поэтическое творчество М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина). Эта же идея заложена автором в основу представлений о мире матери Лизы: *как все хорошо у Господа Бога!; Надобно, чтобы Царь небесный очень любил человека, когда он так хорошо убрал для него здешний свет*.

В. Н. Топоров обратил внимание, что соединение природы и Бога под единым знаменателем нравственности характерно для творчества Н. М. Карамзина вообще [4, с. 126]. В таком контексте разобщение Лизы с природным началом становится свидетельством ее разрыва с духовно-нравственной основой жизни. Уже во время первого свидания с Эрастом, несмотря на упоминание о *небесной музыке*, возникшей в душе героини от слов ее возлюбленного, и несмотря на то, что ее сердце по-прежнему именуется *чистым*, возникает образ, вводящий в произведение представление о грехе и наказании за него: *поцеловал с таким жаром, что вся вселенная показалась ей в огне горящего!* И тут же появляется первый запрет, противоречащий православным представлениям о семье и отношениях между родителями и детьми: Эраст просит Лизу скрыть от матери их отношения. С этого момента Лиза постоянно обманывает мать, скрывая свои поступки под мраком вечера и ночи – времени, когда по православным представлениям душа особенно подвержена искушениям.

Свидания Лизы и Эраста происходят на берегу реки или в березовой роще, но чаще всего *под тенью столетних дубов*. Эти образы являются традиционными фольклорными символами, связанными со свадебной обрядностью.

В данной ситуации смена знаковых ориентиров не случайна и свидетельствует о замене христианской морали языческой системой ценностей. Более того, у героини начинают появляться греховные мысли о том, что она скорее забудет свою душу, чем *милого друга* Эраста [22]. После начала отношений между Лизой и Эрастом в повести возникает мотив забвения, связанный с отстранением героини от привычной системы ценностей: *когда ты скажешь мне: «Люблю тебя, друг мой!», когда прижмешь меня к своему сердцу и взглянешь на меня умильными своими глазами, ах! тогда бывает мне так хорошо, так хорошо, что я себя забываю, забываю все, кроме – Эраста*. Лиза осознает неправильность своего отношения к матери, жалеет ее, но не может противостоять соблазну своих чувств.

И несмотря на слова Эраста о том, что для него *драгоценнее всего душа, чувствительная, невинная душа* возлюбленной, Лиза переходит нравственный порог и выступает инициатором чувственных отношений. Именно Лиза, а не Эраст, как это принято считать в исследовательской традиции [17; 20–25], является разрушителем идиллического мира. В эпизоде, описывающем гибель Лизыной непорочности, героиня становится носителем искусительного начала, представая в образе женщины в том понимании, которое сложилось в христианской этике и закрепилось домостроевской моралью. Неслучайно чувственная близость героев определяется через мотив заблуждения. В вечер грехопадения Лиза теряет невинность, т. е. оказывается носителем некой вины. Это сразу же осознается самой героиней и воплощается в тексте через традиционные религиозно-этические мотивы умирания души и возмездия: *Я боюсь, чтобы гром не убил меня, как преступницу!*

Состояние природы в этом эпизоде одновременно воплощает сентименталистские идеи о созвучности человеческой души и окружающего мира, восходящие к поэтике устного народного творчества, и характерные для народного православия представления о гневе Божиим, осязаемым человеком через буйство природы. Такое поведение Лизы оказывается вписанным в литературную традицию, актуализируемую ее именем. По В. Н. Топорову, имя *Лиза*, характерное для наперсниц главных героинь комедий, связано с «сомнительностью нравственного облика» персонажей, его носящих [4, с. 155]. При этом карамзинская Лиза является собой иной, «новый» вариант воплощения характера [4, с. 160]. Но очевидным является то, что именно связь с существующей культурной традицией дает возможность в полной мере понять образ героини. С момента своего грехопадения Лиза перестает быть для Эраста *Ангелом непорочности*. Симптоматично, что именно после перехода через переломную точку слова Лизы часто обращаются к Богу. Но по-прежнему душа Лизы ощущается героиней не как принадлежащая Спасителю, а как отданная ее возлюбленному (*прощаясь с ним, прощалась с душой своею*). И даже молитвенный жест героини, вставшей на колени и воздевшей руки к небу, направлен не к божественному началу, а устремлен вместе с ее взглядом к Эрасту.

Удержавшись в первый момент после отъезда Эраста от искушения оставить мать, Лиза тем не менее позже идет на этот шаг, совершая самоубийство. В то же время Домострой диктует иные правила поведения православного человека: «не забывают труда отца и матери, которые о вас заботились и печалились о вас, покойте старость их и о них заботьтесь как и они о вас» (глава «Как детям отца и мать любить, и беречь, и повиноваться им, и утешать их во всем»). Лиза нарушает этот завет, в отчаянии совершая двойной грех – лишая себя жизни и оставляя престарелую мать одну. Перед самой смертью героиня осознает свою вину, что звучит в своеобразной исповеди, обращенной к матери через девушку Анюту. При этом, с точки зрения православной морали, поступок Лизы нельзя оценить однозначно: раскаяваясь в прошлых грехах, она совершает два новых. Поэтому возможность воссоединения двух раскаявшихся героев после смерти оказывается под сомнением. А. А. Златопольская, сопоставляя взгляды Ж. Ж. Руссо и Н. М. Карамзина, замечает, что в отличие от западноевропейского сентименталиста автор «Бедной Лизы» считает, что подчинение страстям исключает в человеке совесть как основу его нравственности и делает его исповедь искусственной, театрализованной [26].

Заключение

Происходит диалог двух мировоззренческих систем – художественной в своей основе парадигмы сентименталистской этики и религиозно-нравственных представлений православия. Это было характерно для прозы Н. М. Карамзина в целом, неслучайно круг чтения маленького Леона, героя «Рыцаря нашего времени», включает в себя как книги духовного содержания, так и художественные произведения. Читатель дает оценку поступкам Лизы через призму авторского пафоса, который в первую очередь воплощен в репликах повествователя. Тем самым на поверхности оказывается позиция сочувствующего человека, выражающего сентименталистский взгляд на мир. Но за этим находится более сложная проблема, связанная с ментально обусловленной православной этикой, которая также оказывается нравственным фоном раскрытия образа героини.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Бухаркин П. Е. О «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина (Эраст и проблемы типологии литературного героя). *XVIII век*. 1999. Т. 21. С. 318–326.
Bukharkin P. E. About N. M. Karamzin's Poor Lisa (Erast and literary hero's typology). *XVIII century*, 1999, 21: 318–326. (In Russ.)
2. Сурков Е. А. Русская повесть в историко-литературном контексте XVIII – первой трети XIX века. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. 276 с.
Surkov E. A. *The Russian story in a historical-literary context of XVIII – early XIX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, 276. (In Russ.)
3. Рынгач Т. Б. Нарратив повести Н. М. Карамзина: рецепция и трансформация. *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина*. 2017. № 3. С. 74–87.
Ryngach T. B. N. M. Karamzin's narrative technique: adoption and transformation. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2017, (3): 74–87. (In Russ.)
4. Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина: опыт прочтения. М.: Русский мир, 2006. 432 с.
Toporov V. N. *Poor Lisa by Karamzin: a reading experience*. Moscow: Russkii mir, 2006, 432. (In Russ.)
5. Бахтина О. Н. Русский сентиментализм и православие (христианская антропология и просветительский гуманизм). *Русская словесность и православие: тез. Междунар. науч. конф. (Москва, 13–15 октября 2004 г.)* Режим доступа: http://www.jesaulov.narod.ru/Code/tezisy_bahtina.html (дата обращения 03.12.2021).
Bakhtina O. N. Russian Sentimentalism and Orthodoxy (Christian anthropology and educational humanity). *Russian literature and orthodoxy: Proc. Intern. Sci. Conf., Moscow, 13–15 Oct 2004*. Available at: http://www.jesaulov.narod.ru/Code/tezisy_bahtina.html (accessed 3 Dec 2021). (In Russ.)
6. Кочеткова Н. Д. Н. М. Карамзин и древнее благочестие. *Карамзин: pro et contra*, сост. Л. А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 697–704.
Kochetkova N. D. N. M. Karamzin and ancient piety. *Karamzin: pro et contra, comp. Sapchenko L. A.* St. Petersburg: RCHG, 2006, 697–704. (In Russ.)
7. Васильев С. А. «О, бедное человечество!» Тема целомудрия и образ потерянного рая в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза». *Литература в школе*. 2017. № 1. С. 2–6.
Vasilyev S. A. "Oh, poor human race!" The theme of chastity and the image of a Lost Paradise in the N. M. Karamzin's novel "Poor Lisa". *Literature at school*, 2017, (1): 2–6. (In Russ.)

8. Комар Н. Г. Древнерусские духовно-нравственные ценности в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза». *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 159. № 1. С. 66–76.
Komar N. G. Old Russian spiritual and moral values in N. M. Karamzin's short story "Poor Lisa". *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, 159(1): 66–76. (In Russ.)
9. Ужанков А. Н. «Мысленная брань» в повести «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина. *Русский язык за рубежом*. 2017. № 2. С. 51–56.
Uzhankov A. N. "Mental struggle" in the story Poor Lisa by N. M. Karamzin. *Russian Language Abroad*, 2017, (2): 51–56. (In Russ.)
10. Дударева М. А. Кто убил бедную Лизу? Трансмиссия культуры в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза». *Концепт: философия, религия, культура*. 2020. Т. 4. № 2. С. 126–134. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-2-14-126-134>
Dudareva M. A. Who killed poor Liza? Cultural transmission in Nikolay Karamzin's novel Poor Liza. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 2020, 4(2): 126–134. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-2-14-126-134>
11. Собкин В. С. «Ах, "Бедная Лиза", Ах!» – опыт психологического анализа повести Н. М. Карамзина. *Национальный психологический журнал*. 2020. № 2. С. 109–147. <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0210>
Sobkin V. S. "Ah, Poor Liza, Ah!" – experience of psychological analysis of N. M. Karamzin's story. *National Psychological Journal*, 2020, (2): 109–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0210>
12. Краснова О. Н., Гребнева М. П. Ключевое слово «сердце» в структуре повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»: текстовые связи с глубинными сторонами индивидуального мира повествователя. *Филология и человек*. 2018. № 4. С. 7–22. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2018\)4-01](https://doi.org/10.14258/filichel(2018)4-01)
Krasnova O. N., Grebneva M. P. The key word "heart" in the structure of N. M. Karamzin's Poor Lisa: textual connections with the deep sides of the narrator's individual world. *Filologija i chelovek*, 2018, (4): 7–22. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/filichel\(2018\)4-01](https://doi.org/10.14258/filichel(2018)4-01)
13. Краснова О. Н. Роль ценностно-семантических оппозиций в раскрытии глубинных художественно-психологических характеристик образа повествователя в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза». *Филология и человек*. 2021. № 1. С. 178–184. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2021\)1-13](https://doi.org/10.14258/filichel(2021)1-13)
Krasnova O. N. The role of value-semantic oppositions in revealing the deep literary and psychological characteristics of the narrator's image in "Poor Liza" by N. M. Karamzin. *Filologija i chelovek*, 2021, (1): 178–184. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/filichel\(2021\)1-13](https://doi.org/10.14258/filichel(2021)1-13)
14. Шенле А. Между «древней» и «новой» Россией: руины у раннего Карамзина как место «modernity». *Новое литературное обозрение*. 2003. № 1. С. 125–141.
Schönle A. Between the ancient and the new Russia: ruins in early Karamzin's works as the place of modernity. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2003, (1): 125–141. (In Russ.)
15. Пиксанов Н. К. «Бедная Аня» Радищева и «Бедная Лиза» Карамзина. К борьбе реализма с сентиментализмом. *XVIII век*. 1958. Т. 3. С. 309–325.
Piksanov N. K. Poor Anyuta by Radishchev and Poor Lisa by Karamzin. The struggle of Realism and Sentimentalism. *XVIII century*, 1958, 3: 309–325. (In Russ.)
16. Канунова Ф. З. Эволюция сентиментализма Карамзина («Моя исповедь»). *XVIII век*. 1966. Т. 7. С. 286–290.
Kanunova F. Z. Evolution of Karamzin's sentimentalism in My Confession. *XVIII century*, 1966, 7: 286–290. (In Russ.)
17. Орлов П. А. Русский сентиментализм. М.: МГУ, 1977. 271 с.
Orlov P. A. *Russian sentimentalism*. Moscow: MSU, 1977, 271 с. (In Russ.)
18. Берков П. Н. Державин и Карамзин в истории русской литературы конца XVIII – начала XIX века. Берков П. Н. *Проблемы исторического развития литературы: Статьи*. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1981. С. 242–256.
Berkov P. N. Derzhavin and Karamzin in the history of the Russian literature of late XVIII – early XIX century. *Problems of historical development of literature: Articles*. Leningrad: Khudozh. lit. Leningr. otd-nie, 1981, 242–256. (In Russ.)
19. Литвинюк М. А. Черты пасторального жанра в сентиментальной прозе Н. М. Карамзина. *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина*. 2011. № 3. С. 129–134.
Litvinuk M. A. The bucolic genre in N. M. Karamzins sentimental prose. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2011, (3): 129–134. (In Russ.)
20. Розова З. Г. «Новая Элоиза» Руссо и «Бедная Лиза» Карамзина. *XVIII век*. 1969. Т. 8. С. 259–268.
Rozova Z. G. New Heloise by Russo and Poor Lisa by Karamzin. *XVIII century*, 1969, 8: 259–268. (In Russ.)
21. Фрик Т. Б. «Как мы говорим с Богом и совестью, хочу поговорить с вами»: переписка Н. М. Карамзина с членами царствующего дома. *Вестник Томского государственного университета*. 2012. № 362. С. 24–29.
Frik T. B. N. M. Karamzin's correspondence with members of the royal family. *Tomsk State university Journal*, 2012, (362): 24–29. (In Russ.)

22. Вершинина Н. Л. «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина и проблема становления романной формы. *Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки*. 2009. № 9. С. 66–69.
Vershina N. L. N. M. Karamzin's Poor Lisa and the genesis of the novel genre. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Socialno-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki*, 2009, (9): 66–69. (In Russ.)
23. Попов А. В. Карамзин Николай Михайлович. Попов Н. В. *Православная богословская энциклопедия*. Пг.: Т-во А. П. Лопухина, 1907. Т. 8. Стлб. 594–600.
Popov N. V. Karamzin Nikolai Mikhailovich. *Orthodox theological encyclopedia*. Petrograd: T-vo A. P. Lopukhina, 1907, vol. 8, 594–600. (In Russ.)
24. Яковлев А. И. Святитель Филарет (Дроздов) и Н. М. Карамзин. *Филаретовский альманах*. 2006. № 2. С. 105–142.
Yakovlev A. I. Prelate Filaret (Drozdov) and N. M. Karamzin. *Filaretovskii almanakh*, 2006, (2): 105–142. (In Russ.)
25. Поселенова Е. Ю. Этическая проблематика «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина: к постановке вопроса. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2011. № 6-2. С. 536–540.
Poselenova E. Yu. Ethical issues in the novel "Poor Lisa" by N. M. Karamzin: the statement of the problem. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2011, (6-2): 536–540. (In Russ.)
26. Златопольская А. А. «Исповедь» Руссо и русская мысль XVIII–XIX веков. *Вестник РХГА*. 2010. Т. 11. № 2. С. 157–169.
Zlatopolskaya A. A. Russo's Confession and Russian philosophy in XVIII–XIX centuries. *Vestnik RKhGA*, 2010, 11(2): 157–169. (In Russ.)